

ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ О ДЕНЬГАХ, ВЛАСТИ И ОНТОЛОГИИ

Д. Н. Обыденный

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 октября 2010 г.

Аннотация: в рамках статьи намечается пространство концептуализации феномена денег; вводится ряд ключевых понятий, позволяющих предварительно очертить контекст анализа денег в качестве основы социального бытия. В итоге логика рассуждения указывает на ряд ключевых концептов, при помощи которых предварительно возможно осмыслить феномен денег в социальном мире: социальное действие, воля, власть. Формулируется ряд тезисов, в основе которых видится наибольший потенциал в понимании феномена денег в современном мире.

Ключевые слова: деньги, воля, власть, социум, социальное действие, онтология.

Abstract: the essay tends to find the methodological way to the research of the money phenomenon as a substance of social being. The main idea that the author tries to clarify is that the money discourse has inevitable connection to the concepts of will and power: philosophical research of money phenomenon needs to be seen through the concepts of will and power. In the conclusion are cited 15 ideas which form the base of further possible analysis of entity of money concept.

Key words: money, will, power, social act, substance of social being, power quant.

Отрицал же я — и готов отстаивать свое мнение до последней капли чернил — намеренное морализаторство, которое, на мой взгляд, губит художественность в любом произведении, сколь бы искусно оно ни было написано.

В. В. Набоков

Вводное замечание

Как представляется, эссе в качестве формы изложения, как некое вольное в плане категориальности и стиля повествование, в философии возможно в двух случаях: в плане выражения избыточного, предельно фундаментального и глубокого содержания, когда его уже невозможно уместить в рамки четкой системы понятий, подвергнуть систематическому оформлению; в том случае, когда, наоборот, предварительные разработки исследования еще не приобрели законченной структуры, некоторой строгости и чеканки категориальных и методологических средств, когда будущее исследования еще впереди, но существует необходимость предваряющего его наброска общего контура проблемы, что также необходимо в аспекте пропедевтической процедуры. К первому варианту работ в стиле эссе можно отнести диалоги Платона, размышления М. Аврелия, «Исповедь» Августина, труды Ф. Ницше, Н. Бердяева, сборники

работ «позднего» периода творчества М. Хайдеггера. Данная же работа относится, разумеется, ко второму разряду. Но это не означает ее вторичности и ненужности по отношению к тому, какой она может стать (а может и не стать, кстати) в будущем. Но тем не менее в любом из вариантов она необходима как для самого автора, так и для темы, выбранной в качестве предмета анализа. Согласно ставшему крылатым тезису Г. Гегеля, важны не только цель, результат, но и сам путь, становление.

Пролог

Вынесенное выше суждение В. В. Набокова возможно применить и обернуть не только в сторону художественного творчества, но и более всего обратить его на творчество философского или иного характера, носящего фундаментально мировоззренческое назначение и специфику.

И суть дела здесь в том, что предпосылаемое тому или иному исследованию гуманитарного характера нарочитое, предварительное морализаторство, взгляд сквозь призму некоторой аксиологической системы, зачастую этического толка, на корню губит весь потенциал самого исследования.

Вспомним знаменитое изречение Б. Спинозы: *Non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere*. Пожалуй, это действительно наисерьезнейший тезис, служащий основой любого научного процесса, как естественного, так и гуманитарного толка. По сути, в этом спинозовском высказывании содержится квинтэссенция общенаучной методологии, самого пути к истине. Древнегреческие отцы философии, стоявшие у истоков самой философской мысли, рьяно стремились к этому непредвзятому взору, обращенному на мир. Они не прятали очевидное разуму под завесу чувства симпатии и антипатии, они стремились видеть и уразумевать существующее таким, как оно есть. Обратимся, например, к Эпикуру, к его рассуждению о людях и богах. Какая неведомая большинству из нас, современных людей, холодность и строгость мысли присутствует в его размышлениях? Есть ли боги, нет ли их – это ничего не меняет в бытии человека, ибо боги по природе своей самодостаточны, а следовательно, не станут мучиться о человеческом, томиться человеком, – поэтому их существование или несуществование равным образом ничего не меняет в антропологическом срезе онтологии. Способна ли современная гуманитарная наука к подобной логической жестокости и антиантропологичности в качестве основы рассуждения?

Зачем столь пространные рассуждения? Ответ прост: тема, которую хочется затронуть в данной работе, настолько многогранна и глубока в субъективном смысле, что ее разбор с неизбежностью способен пробудить, даже бессознательным образом, массу исключительно личных, случайно-субъективных настроений и оценок, могущих оказать влияние на само рассмотрение, даже предопределить это рассмотрение в его финале, уже в самом начале такового.

Ведь речь пойдет о предмете, настолько конкретном и близком нашему существованию во всех мелочах его глобальности и повседневности, что

здесь очень трудно побороть соблазн предвзятого истолкования предмета. Речь пойдет о деньгах, о философском разборе данного концепта, самой навязчивой близости денег в их всеобщей отдаленности.

Природа феномена денег

Почему деньги? Казалось бы, такой вопрос не уместен. Ведь очевидно, что деньги, пожалуй, менее всего исследованный философией предмет. Действительно, на вскидку, можно указать лишь два фундаментальных философских труда, посвященных данному феномену: «Капитал» К. Маркса и «Философия денег» Г. Зиммеля. Даже, говоря о Г. Зиммеле, наряду с работой К. Маркса, мы немного лукавим. Философские идеи Г. Зиммеля слабо освещены в истории философской мысли. Г. Зиммель никогда не указывался в ряду классиков западноевропейской традиции. Более того, например, в России до сих пор нет полного перевода его «Философии денег». Таким образом, по сути можно указать лишь «Капитал» К. Маркса в качестве крупнейшего труда о сути и сущности денег. Хотя стоит отметить, что, даже упоминая «Капитал», невозможно констатировать о его преимущественно философской тенденции. Все же доля сугубо экономического содержания там велика.

Почему деньги долгое время игнорировались философией в качестве предмета серьезного концептуального изучения и анализа? Что это? Акт презрения к чему-то низменному и потому недостойному фундаментального исследования? Или же что-то иное? Может быть, деньги очерчивают некий круг неприкосновенной для философии проблематики; возможно ли, что, наоборот, в силу своей насущности и фундаментальной важности, превосходящей важность всего другого, они выпадают из сферы зрения философии. Возможно, потому, что деньги обладают некоторой почти интимной близостью в отношении к нашему существованию; спрашивать кого-то о «его» деньгах по умолчанию считается чем-то сродни попытке выяснения у человека подробностей его личной жизни во всех ее потаенных деталях и мелочах.

С другой стороны, наш повседневный дискурс просто напичкан различными пословицами и крылатыми фразами о деньгах: «деньги любят счет», «деньги как вода», «время – деньги», «деньги не пахнут», «что нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги» и т.д. Даже бегло обращаясь к этим фразам, выражающим некий коллективный опыт, мудрость денег, становится ясно, что деньги определенным образом коннотативны неким базовым философским концептам: счет (число), вода (субстанция у Фалеса), время (базовая онтологическая категория), отсутствие «запаха» (указание на некую объективность денег) и т.д. Обратимся подробнее к одной из пословиц, вскрывающих тягу денег к сокрытию собственной сущности, чтобы обозначить начало рассуждения о феномене денег.

«Деньги любят тишину», – эта фраза часто всплывает тут и там в литературе, телепередачах, в деловой беседе и просто в бытовом разговоре. А ведь пословицы, крылатые афоризмы – это, по сути, выражение фун-

даментального опыта человечества в концентрированном виде. «Деньги любят тишину», – в этом суждении содержится многое. Деньги не публичны, они склонны скрываться и скрывать свой след. С другой стороны, о них постоянно говорят, говорят почти везде и повсеместно. Но сразу же следует отметить, что говорят намного чаще не о деньгах как таковых, а об их отсутствии. Разговоры о деньгах возникают там и тогда, где и когда денег уже нет, там, где они уже исчезли, кончились или их не хватает. Лишь в случае своего отсутствия деньги порождают разговоры о себе. Больше всего сказано в денежном аспекте, как это ни парадоксально звучит о том, что уже не существует.

Но как говорить о деньгах, когда их уже нет. Как исследовать нечто, когда оно уже испарилось, перестало быть явлением и стало несуществующим. Мы узнаем, имеется в виду широкая публичная огласка, о некотором финансовом институте после его банкротства, когда оглушительная весть об этом взрывает колонки новостей, врывается во внимание слушателей всего мира. Известный в узких кругах крупный финансист становится широко известным, имя его удерживается у всех на слуху лишь тогда, когда его покидают деньги, когда их потеря вопиет голосами его инвесторов, испытывающих боль убытков. Опять же мы узнаем нечто не о деньгах, а об их воздействии на что-то. Денег там уже нет, есть то, что создало их отсутствие.

Когда деньги есть, о них молчат. Безусловно, есть масса слухов, сплетен, официальной статистики о богатых людях, но они сообщают лишь сумму их накоплений, номинал их активов и замолкают, не зная, что сказать дальше, переходя в иную плоскость – удивления, осуждения, завистливого обсуждения и т.д. Там, где деньги присутствуют, они порождают тишину, о них не говорят, их упоминание вежливо и тактично обходят в беседах. Безусловно, молчат о деньгах отчасти и потому, что деньги привлекают интерес, куда больший, нежели просто естественный интерес обычного любопытства. Там, где деньги появляются, они могут породить вражду и зависть, злобу и корыстный умысел, способный игнорировать нормы морали и человечности. Но это лишь один из аспектов. Когда деньги появляются, они отгоняют мысли, вернее, они генерируют совсем иное состояние и вектор мысли, формируя также особое настроение и мотив. Они ничего не сообщают о своей сущности, они избегают самоконкретизации. Появившиеся деньги вызывают вопросы, далеко лежащие за пределами теоретического интереса. Деньги в их наличии (наличном или безналичном виде, в форме эквивалентов) генерируют мышление не в форме «что», а в форме «куда» и «как». То есть деньги и здесь уходят от теоретического подхода, наполненного созерцательностью, но приводят к сугубо практическому, утилитарному мышлению наиболее эффективно-распределения денег, их траты. Получив деньги, их не осмысливают, но стремятся пристроить и использовать.

Таким образом, предварительная методология исследования денег приходит к парадоксальной ситуации: либо мы рассматриваем предмет в его отсутствие, что звучит парадоксально, либо, когда он присутству-

ет, то также не может быть объектом теоретической концептуализации, поскольку настраивает мышление на иной лад, противоположный теоретическому интересу. Более того, даже если мы сконцентрируемся на рассмотрении денег в их наличии у нас, т.е., постараемся отвлечься от соблазна использовать деньги в качестве денег, в первую очередь, путем их обмена на определенные товары и услуги, то все равно задача все еще остается проблематичной.

Допустим, что мы располагаем некоторой суммой денег и настроены на их философский анализ. Что нам остается? Первый вариант: мы совершаем некоторое «эпохе» в стиле гуссерлевской феноменологической редукции и пытаемся, насколько это возможно, описать свое психическое и умственное настроение в момент обладания этими деньгами. Описываем тот спектр психологических установок, мыслительных процедур и наметок, которые сопровождают весь процесс обладания этой денежной суммой. Безусловно, здесь мы можем вычлениить из актов нашего сознания вообще некоторые предикаты денег. Но, во-первых, эта предикация будет относиться скорее не к деньгам как таковым, а к нашему субъектному состоянию; во-вторых, само качество денег, как об этом превосходно выразился Г. Зиммель, определяется их количеством, и это немаловажно. То есть обладая некоторым количеством денег как отличительным от другого количества, мы уже будем ограничены в своем рассмотрении лишь некоторым качеством данного предмета и не будем обладать в поле нашего рассмотрения всей качественной полнотой данного объекта. Таким образом, мы изначально обречены на узость горизонта понимания данного явления. Теоретически на этом парадоксе можно и завершить рассмотрение денег, указав на то, что оно принципиально не может состояться в виде некоторой всеобщей панорамы анализа данного явления.

С другой стороны, мы вынуждены констатировать, что, несмотря на ряд указанных выше затруднений, исследование денег, в том числе и философское, происходило и происходит. Тогда в чем же проблема? Неужели любое рассмотрение феномена денег обречено на провал, на лишь ограниченно субъективный анализ, и не способно выйти за пределы его субъективного, ограниченного анализа? Возможно ли объективное исследование феномена денег, и если да, то каким образом.

В самом начале речь шла о том, что вообще чаще всего мы узнаем о деньгах, слышим о них в моменты их нехватки где-то. То есть деньги сообщают о себе через свое отсутствие; отсутствуя, деньги все больше и больше заявляют о себе. Чем сильнее их отсутствие, тем больше о них говорят, и о них говорят и вопиют тем больше, чем меньше их становится где-то. Здесь логика вопроса о деньгах поразительным образом соприкасается с логикой учения Платона об идеях и постановкой вопроса М. Хайдеггером о бытии.

Казалось бы, начав с предмета столь далекого, лежащего даже не на периферии, а где-то далеко за периферией философского интереса, мы вдруг выныриваем мыслью где-то в самой гуще сугубо философской проблематики – учения об идеях и учения о бытии. В чем же здесь фунда-

ментальная сопричастность позиций, где тут связующая постановку вопроса нить? Платон учит, – идей нет в мире посюстороннем, знаменитая легенда о пещере четко вычерчивает метафизическую панораму Платонова учения: вещь наводит на идею тем, что она причастна ей, но сама идеей не является. Являя идею, вещь вместе с тем ею как раз и не бывает. То есть, сообщая об идее, вещь сообщает о ней отсутствием идеи в себе, хотя и намекает на нее сопричастностью. У М. Хайдеггера бытие открывает себя человеку, но не тем, что бытие предстает перед человеком, а тем, что, раскрываясь, бытие указывает человеку на сущее как суть бытия, если это сущее будет промыслено через его связь с бытием. То есть бытие открывается в своем убегании, закрытии, как об этом часто пишет М. Хайдеггер.

Нечто схожее в логике рассуждения можно найти и у Л. Витгенштейна в самом начале его «Логико-философского трактата»: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей. <...> Атомарный факт есть соединение объектов (вещей, предметов)». Казалось бы, причем здесь упоминание этих столь различных в своей философской тенденции мыслителей. Но суть здесь в том, что если всмотреться в их сугубо методологическую структуру мышления, то становится ясным, что их объединяет общая форма постановки вопроса, его логика, к которой мы приходим от рассуждения о деньгах как таком феномене, который начинает настойчиво заявлять о себе, лишь будучи исчезнувшим, отсутствующим. Мы мыслим идею по Платону, потому что ее «здесь» нет, само мышление как способность человека уже перешагивает за человека, над человеком и вещами к идеям, устанавливая раздвоенность, различие «здесь» и «там»; у Хайдеггера бытие (как суть, основа сущего), сообщает о себе, лишь уходя в «забвение», более того, сам Хайдеггер мыслит себя как того, кто возобновляет вопрос о бытии, лишь постольку, поскольку это «бытие» предано забвению, которое достигает своего апогея, а потому и свидетельствует о себе с усиливающейся мощью; у Витгенштейна вещь первична, а факт вторичен, хотя первоначально бывает лишь факт, как то, что образовано вещами, хотя вещь как таковая нигде не встречается. Примечательно, что В. Бибихин сумел сблизить философские позиции Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера, усмотрев эту близость их мышления [2]. Идея появляется, когда ее уже нет, бытие открывается, когда его уже нет, вещь существует, когда она уже вошла в состав факта, т.е. когда ее самость как вещи упряднена.

Отсюда следует мыслить деньги не привычным образом, пытаясь с ходу выявить их дефиниторную природу, но наоборот, мыслить их через те следы, которые они оставляют, используя исключительно фундаментальные категории философии.

Субстанциальность денег

Деньги исчезли, оставили некую сферу – оттуда сразу же начинает поступать некий сигнал, врывающийся в сферу публичного освещения событий. Что за след оставляют исчезнувшие деньги? Только через этот след мы и можем попытаться определить само понятие, даже скорее концепт, «деньги».

Чем сопровождается их уход? Уход денег из жизни индивида, уход денег с фондового рынка, уход денег с долгового рынка и т.д. Под уходом денег здесь будем понимать не их трату, а скорее растрату, т.е. такое событие, когда деньги резко исчезают и создают определенную проблему. Чем сопровождаются все эти события? Первое, что сразу же бросается в глаза: паника, страх, тревога, беспорядок. Интересно, что данные понятия не равноценны во временном модусе. Паника, беспорядок – это модус настоящего. Страх, тревога – модусы будущего, психология ожидания худшего. Таким образом, первично отсутствие денег выявляется в терминах определенной деструктивности, негатива вообще. Отсюда, мысля от обратного, можно сказать, что присутствие денег сообщает той сфере, где они присутствуют, некую стабильность, устойчивость, спокойствие. Изначально все эти дефиниции (стабильность, устойчивость, постоянство, порядок) относились философией к понятию субстанции, основы основ. Субстанциальность есть то, что привносит порядок и структуру, стабилизирует беспорядочное, оборачивая его вспять к упорядоченности.

Итак, деньги есть субстанция, особый вид субстанциальности, «основности», скрепляющей силы, удерживающей порядок. Это пока лишь самое общее, даже предельно общее, и изначальное, предварительное определение денег. Другой вопрос, – каким видом субстанции выступают деньги, по отношению к чему они субстанциальны. Например, из информационных источников известно, что Пабло Эскобар, скрываясь в горах от преследования со стороны властей, вынужден был сжечь в качестве топлива для костра количество долларовых банкнот суммарным номиналом около двух миллионов. Таким образом, деньги здесь служили не по своему качественному предназначению, так как субстанциальную роль средства для создания тепла лучше выполнили бы поленья дерева, сухой торф, древесный уголь и т.д. В описанной ситуации деньги – плохой помощник. Отсюда следует, что свою субстанциальную функцию они адекватно выполняют в некоторой иной среде. В одной из своих работ Л. Харрис, пробрасывая традиционные дефиниции денег, щедро растиражированные на просторах литературы финансово-экономической направленности, утверждает, что фундаментальным свойством, даже сущностью денег является то, что они, прежде всего, «общественный феномен». Казалось бы – тривиальность, очевидное, на поверхности лежащее положение. Но далее автор проясняет свою позицию следующим образом: «Деньги, иными словами, существуют не только потому, что люди являются существами общественными и вся их деятельность (включая и хозяйственную) происходит в рамках общественной структуры. Более важно то, что деньги функционируют лишь в рамках определенных общественных и хозяйственных отношений. Разные виды денег возникают в разных социальных и экономических структурах» [3, с. 76]. Здесь высказана двоякая мысль: с одной стороны, деньги произрастают из некоторого единого их субстанциального основания, с другой же – им свойственна некая множественность, в которую они распадаются в зависимости от тех социальных и экономических структур, в которые

они попадают. То есть деньги есть единое во многом и многое в едином, некоторым образом.

Идея множественности денег не нова, в общем виде. Более того, это не только идея, это очевидный финансовый факт. Например, достаточно ознакомиться с понятиями денежной базы и денежной массы (и ее агрегатами). Также концепцию множественности (множественных) денег обосновывает В. Зелизер, но на несколько иных основаниях, нежели Л. Харрис [4, с. 58–72]. Н. Н. Зарубина, пожалуй, единственный в современной российской гуманитарной науке автор, подвергший тему денег детальному социально-философскому анализу, во множестве своих статей оспаривает идею множественных денег, справедливо полагая, что фундаментальное их рассмотрение требует приведения их сути к единому основанию, когда множество формообразований и трансформаций денег необходимо, следуя методологической логике концептуального исследования, мыслить из единого принципа. Общий смысл здесь состоит в том, что существенное различие мыслителей при более детальном рассмотрении вопроса оказывается скорее внешним, нежели имманентно внутренним и сущностным.

Деньги суть и единое, и многое. Таким образом, их природе присуща некая неотъемлемая диалектичность в гегелевском смысле. Парадоксальная возможность денег совмещать в себе субстанциальное и множественность в своем проявлении не исчерпывает их сути полностью. Когда мы начинали с того, что узнаем о деньгах, когда они отсутствуют, тем самым сообщая о себе, то это еще не полная картина. Отсутствие денег, порождающее «вопл» об их утрате, потере, нехватке, дефиците, одновременно сообщает нам о существовании некоторой местности, о которой мы могли и не догадываться или которая выпадала из нашего кругозора. Например, человек, не искушенный в знании финансовой сферы современной цивилизации до сентября 2008 г., вероятнее всего и не знал о целом ряде финансовых институтов США, которые имели более чем вековую историю и играли структурообразующую роль не только в финансовой системе США, но и в рамках всей глобальной финансовой экономики. Но когда произошло огушительное банкротство некоторых из них, когда ленты новостных агентств запольхали алыми заголовками, возвещающими финансовый коллапс данных учреждений, то многие впервые узнали о них. Или такой факт: большинство обывателей знали о Зимбабве, помнили ли они из курса географии о таком государстве? Скорее всего нет. Действительно, в этом нет нужды. Но когда в 2009 г. уровень инфляции там составил 231 миллион процентов в год, об этой стране узнал весь мир.

Можно приводить еще массу примеров, но это не прибавит ничего нового к сказанному. Деньги в современном мире всеобщие, они проявляют себя везде и повсеместно, там, где этот мир есть. Но следует помнить, что речь идет именно о социальном мире. Эту всеобщую способность денег к повсеместному присутствию отмечал еще Г. Зиммель, стоявший у истоков философского дискурса о деньгах.

Для Г. Зиммеля всеобщая природа денег, проявляющаяся в их способности проникать, просачиваться во все структуры и подуровни социального бытия, заключалась в том, что, по его мнению, деньгам свойственна функция объективации ценностей. Это понятие объективации Г. Зиммель рассматривает в несколько непривычном смысловом ракурсе. Объективация как способность денег не означает того, что они могут преобразовывать нечто в некий предмет познания, как-то унифицировать его в соответствии с некоторой парадигмой, системой познания, понимания, исследования и т.д. У Г. Зиммеля достаточно оригинальная, своеобразная категориальность наряду с некоторым смутным ее уточнением. Понятие ценности для него не носит какого-либо социального, духовного, психологического, личностно-экзистенциального и тому подобного контекста. Ценность – это основа любого из предпочтений, это само предпочтение в его порождающей сути. В этом смысле ценностное синонимично субъективному (не субъектному) вообще. Объективное же для Зиммеля – это, наоборот, нечто в основе своей общее, унифицированное, несмотря на внешние различия. Отсюда деньги как объективация ценностей суть сведение субъективных предпочтений к интересу субъективной почве.

Объективация ценностей есть возведение множества субъективных предпочтений, оценок, мнений, приоритетов в их множественном различии к некоторой всеобще субъективнообразной форме, учитывающей в своем унифицирующем единстве все возможные оттенки и срезы личностных, групповых и тому подобных интересов, склонностей, симпатий и антипатий. В весьма отдаленном значении зиммелевское понимание денег как объективированной ценности имеет некое сходство со стандартным пониманием денег в финансовой науке как всеобщего эквивалента в товарообмене, как универсальной меры стоимости. Но здесь же заложено и существенное различие. Для Г. Зиммеля деньги фундаментально сопоставляют и уравнивают не товары и услуги, но ценности в понимании их в качестве личного спектра интенций, выражаясь в терминологии Э. Гуссерля. Отсюда благодаря своей интересу субъективности деньги легко пронизывают собою всю многомерность социального бытия, все его «макро» и «микро» уровни. Отсюда через указанную интересу субъективность денег, через их существование в качестве «ценности всех ценностей» (идеи всех идей по Платону) деньги не только осуществляют коммуникацию личностей в обществе, но и способны интегрировать индивида в общественную структуру [5, с. 57–70]. До сих пор мы наблюдаем в истории цивилизации, пожалуй, две сущности, которые, достигнув определенной стадии своего развития, смогли затем стремительно распространиться, миновав, пронизав почти без сопротивления национальные, этнические, культурные и прочие границы: западноевропейская (теперь уже «мировая») наука и деньги. Наука и деньги – парадоксально, но неоспоримый факт. Об интернационализме денег, об их способности мгновенно пронизывать почти любые культурные и социальные перегородки достаточно подробно написано в работах Н. Н. Зарубиной [6, с. 13–21]. Нас же здесь

интересует общее, фундаментальное качество денег, выражающееся в их удивительной проникающей способности.

Выше, рассуждая о деньгах в терминах субстанции и основы, стало очевидно, что деньги служат субстанцией лишь в определенном контексте, в общем виде, указанном как «общественный». Таким образом, становится возможным заключить, что деньги служат субстанцией структуры социального бытия, сообщая ему устойчивость и стабильность, «тишину». Чем поддерживается и устанавливается эта стабильность? Судя по всему, именно тем, что деньги не просто статическая основа социума в его многогранности и полиструктурности. Скажем далее, что благодаря именно своей диалектической, динамической природе, проникающей способности деньги постоянно присутствуют во всех сегментах социума, сохраняя порядок и устойчивость. В этом смысле справедлива в своем широком контексте аналогия с деньгами как кровью экономического организма, только в данном смысле это «кровь» всего социального организма в целом.

Проникающая способность денег, их способность просачиваться практически во все элементарные составляющие социальной структуры, равно как и во все сферы личного существования (об этом ниже), придает им ту универсальную характеристику, на которую намекает финансово ориентированная литература, оперируя понятием «ликвидность». Деньги – самый ликвидный финансовый актив. Ликвидность в данном случае будем понимать пока исключительно в контексте ее экономической, финансовой трактовки как возможность некоторого актива, в общем смысле, «преобразовываться», возьмем такой нейтрально-метафизический термин, в деньги. Отсюда существуют более или менее ликвидные активы. Ликвидность возможно рассматривать в различных срезах: временном (как время, необходимое для обращения актива в денежную форму), в количественном (как способность в зависимости от внешнего контекста реализовываться в определенной количественной денежной форме), топологическом и т.д.

Если же мы начнем рассматривать понятие ликвидности шире, в его фундаментально-онтологическом срезе, то данное понятие в общем смысле указывает нам на терминологию субстанциальности. Ликвидность как текучесть, как способность к легкости трансформации, как субстанциальная пластичность и гибкость, как структура и сущность, сохраняющиеся в аморфности. Отсюда вновь всплывает идея денег как субстанции. Мы вообще уходим к истокам философии, к Фалесу Милетскому с его учением о воде (жидкости, ликвидности) как основе основ. Случайно ли, что Фалес не только первый западноевропейский философ, но и первый философ-спекулянт. И это действительно так. Фалес, согласно источникам, значительно обогатился, спрогнозировав богатый урожай оливок и вовремя вложив свое состояние в этот актив. Уже здесь у Фалеса понятие спекуляции расходится на теорию (мудрствование о мире) и практику (спекулятивные в экономическом смысле операции), но одновременно и указывает на их единство в контексте осмысления субстанции. Более того, в истории о Фалесе мы находим следующий интересный момент:

«А Иероним Родосский (во II книге “Разрозненных заметок”) сообщает, будто, желая показать, что разбогатеть совсем не трудно, он однажды в предвидении большого урожая оливок взял в наем все маслодавилни и этим нажил много денег» [7, с. 62]. Именно здесь, в этой истории, произошедшей много веков назад, кроется крылатая ныне фраза («если такой умный, то почему не богатый»), при помощи которой зачастую пытаются навести тень сомнения на исключительно метафизические изыскания.

Итак, деньги субстанциальны, их субстанциальность проявляется в качестве основности общественного бытия. Таким образом, действие денег, сфера их проникновения ограничены горизонтом социальности. Вне социального деньги теряют свою субстанциальность, фундаментальную «качественность». Деньги ничего или почти ничего не значат в мире «природном», разве что могут служить в качестве слабой имитации другого вида вещи (топливо, бумага, оперение для стрелы, рыболовный крючок и т.д.) и то лишь в случае своего определенного вида материального проявления: банкнота, чековая книжка, пластиковая карта, ювелирное изделие и т.п.

Деньги как социальный феномен

Финализируя некоторый концептуальный остаток и возвращаясь к дефиниции денег как социальной субстанциальности, мы неминуемо встает перед вопросом, что такое социальное, что такое общество (в данном случае будем считать данные понятия близкими синонимами). Отвечая самим себе на вопрос, что такое социальное, социальность как таковая, прежде всего, необходимо выявить саму форму, структуру вопроса о сути социального. Чтобы не расплываться мыслью по древу, в качестве рабочего определения социального возьмем определение М. Вебера, но в его функциональном аспекте, в аспекте социального действия: «“Социальным” мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [8]. Далее М. Вебер уточняет: «Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое приятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстостью за прошлые обиды, защитой от опасности в настоящем или мерами защиты от грозящей опасности в будущем. “Другие” могут быть отдельными лицами, знакомыми или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей. (Так, например, “деньги” служат средством обмена, которое действующее лицо принимает потому, что ориентирует свои действия на ожидание готовности со стороны многочисленных незнакомых и неопределенных “других”, в свою очередь, принять их впоследствии в процессе обмена.)» [8, с. 470].

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, возможно заключить, что социальное действие своей основой включает в свой контекст «другого» «a ríogú» и соотносится с ним. Более того, столь объемная цитата необходима еще и по той причине, что М. Вебер, пытаясь найти некий

глубоко социальный пример, упоминает именно деньги. Конечно, стоит отметить, что понятие «деньги» автор избирает в качестве самого широко распространенного, как «средство обмена». Но тем не менее само упоминание о деньгах в данном контексте говорит о многом, о том, что деньги определенным образом присутствуют, встроены глубоко в самую суть социального. Таким образом, социальное, общество – это пространство «других», но не просто «других», а «других» как ведущих себя определенным, неким функционально абстрактным в качестве чистой возможности, образом. А при чем здесь деньги? Ведь невозможно свести все социальные отношения к денежным. Может быть, и невозможно.

Принято считать, именно считать, так как, строго говоря, данная закономерность никогда еще не была предметом детального научного изучения, что такие «вещи» (нам трудно подобрать иное слово, либо, наоборот, это слово здесь лишь и уместно), как дружба, любовь, преданность, верность, нельзя купить. Но это лишь «принято считать» с позиции неких романтико-идеалистических установок. Действительно, на аргумент «мы повсеместно наблюдаем случаи «купли» и «продажи» любви, дружбы, преданности» нам могут привести вполне резонный контраргумент: что «была «куплена», «продана» не любовь или дружба, а лишь ее изначально иллюзорный суррогат; что «настоящие» любовь, дружба, верность не продаются.

Здесь нет простора для конструктивного спора, ибо это либо ввергает нас в вечный вопрос об интерсубъективности, возникающий в рамках доктрины солипсизма, и заставляет углублять проблему, пытаюсь навести мосты между «любовью самой по себе» и ее манифестациями, которые могут соответствовать, а могут и нет этому «само по себе». С другой стороны, возможно развернуть проблему и в ином ракурсе, идя навстречу романтикам и идеалистам, но лишь сперва, в первой части ответа: действительно, «настоящие» любовь, дружба, верность и т.д. не покупаются и не продаются, но, возможно, лишь потому, что никто еще не назначал за нее справедливую (в денежном эквиваленте) цену. Но по какой причине не назначал? Возможно, потому, что при определенных условиях предпочитал «любовь» и «дружбу» денег «любви» и «дружбе» другого человека. Здесь, вероятно, мы входим в некоторую область «неприятных истин», горечь познания которых может смягчить лишь бегство под сень «принято считать, и это действительно так», нам здесь уже не требуется усилие разума, но необходим некий сторонний бальзам утешения. Вспомним Ф. Ницше: ««Нам остается искусство, чтобы не погибнуть перед истиной» [9].

Сопричастность денег и власти

Фигура Ф. Ницше всплывает в данном контексте не случайно. Упоминание о философии Ф. Ницше введено сюда самой имманентной логикой рассуждения. Рассмотрим это подробнее. Основная аксиома философско-онтологической доктрины Ф. Ницше может быть выражена в следующей фразе: «Где я находил живое, там находил я и волю к власти; и даже в воле слуги – и там я находил волю стать владыкой» [10, с. 82]. Но у Ницше

был еще более древний предшественник, изрекший из недр собственной «темной» мудрости: «Война — отец всего и царь всего, она являет одних богами, других людьми, она делает одних рабами, других свободными» [11, с. 48]. И здесь опять сквозь десятки веков становится возможным уловить единую логико-смысловую нить, от Гераклита к Ницше, от Фалеса к Зиммелю и Веберу: основа социального — действие в среде «других», ориентированное именно на их поведение, мышление, эмоции и реакции. Но это действие — война. Война многомерна, она не всегда и даже зачастую не явлена в качестве таковой в привычном смысле («в воле слуги — и там я находил волю стать владыкой»). Здесь мы попадаем в контекст тесно взаимосвязанных понятий поликонцептуальности «действие—война—власть». В чем покоится их основание? Что побуждает к действию, почему действие становится войной и причем здесь власть? В конечном счете, причем здесь деньги?

Обращаясь к концепту власти, возьмем его не в ницшеанском понятии как всеобщей силы, а несколько сузив горизонт его применения. Тем более что в гуманитарном познании понятие власти все же преобладает в качестве именно социального явления. «Вне всякого сомнения, Власть представляет собой по самой своей сути человеческий феномен (не природный), а это значит — социальный и исторический. Власть предполагает существование некоего общества (или государства в самом широком смысле слова), т. е. нечто отличное от стада животных, в котором нет возможности «реакции»; общество же предполагает историю (не одну лишь биологическую природную эволюцию)» [12, с. 77], — указывает А. Кожев, малоизвестный в отечественной литературе, но широко популярный в европейской философии один из последних представителей метафизической традиции.

Само же понятие власти возьмем, определив его через категорию воли. Власть, таким образом, есть способность (возможная или актуальная) осуществлять, навязывать свою волю некоторому «другому» (коль скоро речь идет о власти в контексте социального пространства) или «другим». В свою очередь, что порождает власть, что создает эту необходимость навязывания своей воли «другому»? Что такое воля в конечном итоге? Иметь волю — значит иметь «воление», волеизъявление, повеление. Классики «философии жизни» справедливо подчеркивали объективность воли для самого человеческого субъекта воли в качестве внесубъектного источника. Действительно, по преимуществу это так.

Усилие нашей мысли, порождающей сознательную, отрефлектированную, индивидуальную волю, лишь в редких случаях способно противостоять этой объективной воле, исходящей из определенных уровней нашей человеческой природы. Даже само любимое экономической теорией понятие «потребность» в своей этимологии указывает нам на некий императивный характер волеизъявления: потребность возникает как рождающееся в индивиде «требование», спектр требований к нему (базовые инстинкты, психологические стереотипы и т.д.), которые он в их реализации стремится осуществить. Как происходит это осуществление? По-

сколькx речь идет о социальном пространстве, то это требование, возникающее в индивиде и требующее «сатисфакции» он пытается исполнить при помощи, посредством другого. Но другой потому и «другой», что он «иной», а следовательно, здесь присутствует определенное различие.

Наша воля не может осуществляться беспрепятственно посредством другого, поскольку не совпадает с его волей, с его набором требований. Отсюда необходимым инструментом воли становятся принуждение, подчинение и давление в отношении «другого»: эти инструменты образуют суть власти. Власть есть то, что питает волю. Питая волю, власть вынуждает ее перестать существовать на время.

Осуществление своей воли через власть над другим, как выражение собственной воли через то, что воля одного начинает совпадать с волей «другого», возможно различными путями: физическое принуждение (создание воли избавиться от боли, воли «другого», желающей избавиться от физических страданий) и психологическое принуждение (стремление избавиться от определенных эмоций). Не станем вдаваться в подробности, но, конечно, в итоге психологическая «боль» порождается прямо или косвенно болью «физической» (например, тревога есть отсроченное в будущее переживание физической боли и т.д.). Отсюда фундаментальным является именно физическое воздействие как инструмент власти.

Тем не менее непосредственное проявление власти через физическое принуждение в обществе наблюдается лишь в крайних случаях. По мере развития истории этот тип воздействия все более и более вытесняется (не будем брать крупные вооруженные конфликты, периодически имеющие место в истории, а сконцентрируемся на повседневном и стандартном течении социальной жизни). Значит ли это, что общество стало гуманнее, разумнее, что вектор его устремлений сместился в сторону «доброго, разумного, вечного»? Едва ли. Тем не менее мы не наблюдаем «войны всех против всех» в гоббсовском варианте, варварском, насильственном варианте, но наблюдаем ее скорее в варианте ницшеанском, как тихую, утонченную форму гераклитовского « $\tau\omicron\lambda\epsilon\mu\omicron\varsigma$ », который есть «отец всех».

Теперь, приблизившись к завершению, настало время вернуться к началу. Изначально, рассуждая о деньгах, был определен тезис, что деньги заявляют о себе своим отсутствием, через определенные деструктивные события. Там, где деньги исчезают, они порождают «воплъ», «стон», «крик» выражающие разрушение, панику, хаос, возвещающие горе, беду, разруху. О чем вопиет вопиющее в своем вопле о деньгах? О том, что где-то воля не находит власти, не находит адекватного выражения в соответствующем инструменте. В итоге становится возможным заключить, что деньги – это не только инструмент власти, но и сама власть. Деньги есть «квантъ» власти. А почти любой продуктивный дискурс о власти есть соответственно дискурс о деньгах. Но не дискурс аналитический (в кантовском смысле), сводящий размышления о деньгах к власти, а власть к деньгам, но дискурс синтетический, показывающий, как в конкретной форме проявления денег (наличные деньги, безналичные деньги, экви-

валенты денег, инструменты денежного рынка (фьючерсы, свопы, форвардные контракты), процентные ставки) выражается тот или иной тактический или стратегический компонент власти. Отсюда и финансовая наука в аспекте ее философской составляющей более объективна в виде монетарной «волютологии» и онтологии власти и ее категорий.

Заключение

Эссе подошло к завершению. Оно выработало свой потенциал в отведенном ему объеме изложения. Теперь необходимо резюмировать итоги, которые станут опорой концептуальной структуры в анализе денег как будущем, более подробном и разветвленном проекте.

Вышеизложенные рассуждения, для их адекватного восприятия, следует рассматривать не догматически или окончательно онтологически, а скорее методологически, как некий контекст, в котором следует видеть конкретность философского исследования денег.

В финале остановимся на ряде тезисов, которые могут быть приведены как предпосылочные в отношении философского изучения денег в качестве феномена, имеющего определенное место в системе современного мира.

1. Деньги социальны, но их «социальность» не есть их сущность, напротив, они сами – сущность социального.

2. Деньги субстанциальны в отношении развитой социальной структуры. Их присутствие в рамках данной структуры сообщает ей устойчивость и стабильность.

3. Деньги – «кванты» власти, переносчики власти (в определенном смысле подобно как в физике описываются частицы – переносчики взаимодействия).

4. Любые процессы, прямо или косвенно связанные с денежной формой их проявления в любом из временных и контекстных модусов, суть властные процессы.

5. Всякая власть не только порождается волей, но и порождает волю в новом содержании и интенции.

6. Распространение денег, их проникновение в мир создает социализацию. Деньги ищут «другого» и, «находя» его, включают в уже существующую социальную структуру, укрупняя ее.

7. Власть стремится к деньгам, генерируя их; деньги, возникая (фактически в любом из модусов времени), генерируют волю; воля генерирует власть, и все они – воля, власть, деньги – в отдельности способны генерировать друг друга.

8. Вместе с тем есть существенное различие между волей, властью и деньгами. Деньги возможно уничтожить без уничтожения их носителя, здесь в смысле обладателя. Невозможно уничтожить волю без уничтожения ее субъекта.

9. Уничтожение денег уничтожит и общество, поскольку уничтожит и волю.

10. Создание (эмиссия) денег создает власть. Власть генерирует волю.

11. Генерирование воли создает содержательное изменение общественной и индивидуальной жизни.

12. «Прогресс» общества есть не что иное, как продуцирование новых волеизъявлений.

13. Возможность волеизъявлений сбываться зависит от количества денег, которое готовы не только потратить, но и создать ради этого.

14. Тот (те), кто легитимно владеет правом эмиссии денег, определяют направление развития общества по своему желанию.

15. Изучение денег требует философского подхода и невозможно лишь на основе экономической и финансовой наук, поскольку они не домысливают основы денег, останавливаясь на принципе их существования независимо от субъекта их порождения, т.е. от субъектной воли.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Избранные работы / Л. Витгенштейн. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2005.

2. *Бибихин В. В.* Витгенштейн : смена аспекта / В. В. Бибихин. – М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

3. *Харрис Л.* Денежная теория / Л. Харрис. – М. : Прогресс, 1990.

4. *Зелизер В.* Создание множественных денег / В. Зелизер // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 4.

5. *Simmel G.* The philosophy of money / G. Simmel. – Routledge, 2003.

6. *Зарубина Н. Н.* Деньги как социокультурный феномен : пределы функциональности / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. – 2005. – № 7.

7. *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. – М. : Мысль, 1986.

8. *Вебер М.* Основные социологические понятия / М. Вебер // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков. – М., 1996.

9. Режим доступа: <http://www.heidegger.ru/tovarnitski.php>

10. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Ф. Ницше // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1996. – Т. 2.

11. *Материалисты Древней Греции.* – М. : Госполитиздат, 1955.

12. *Кожев А.* Понятие власти / А. Кожев. – М. : Праксис, 2007.

Воронежский государственный университет

Обыденный Д. Н., кандидат философских наук, преподаватель кафедры онтологии и теории познания

E-mail: philosclub@yandex.ru

Тел.: 8 (4732) 55-08-57

Voronezh State University

Obydenny D. N., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: philosclub@yandex.ru

Tel.: 8 (4732) 55-08-57